

Terry
Pratchett

Mort

Терри Пратчетт

**Мор,
ученик Смерти**

Москва
2020

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П68

Terry Pratchett

MORT

Copyright © Terry Pratchett 1987

First published by Victor Gollancz Ltd, London

Художественное оформление и макет

Екатерины Тинмей

Прагчетт, Терри.

П68 Мор, ученик Смерти / Терри Прагчетт ; [перевод с английского С. В. Увбарх]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-110264-7

Вместо того чтобы работать на ферме отца, Мор — юноша не от мира сего — становится подмастерьем Смерти.

Тем временем Смерть, переложив на ученика свои обязанности, берет долгожданный выходной... Хотя зачем выходной Смерти?

Добро пожаловать в Плоский мир — самый абсурдный из миров.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© С. В. Увбарх, перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110264-7

Посвящается Райенне

В этой озаренной ярким пламенем свечи комнате хранятся жизнеизмерители. Стеллаж за стеллажом тянутся приземистые песочные часы — по одному стеклянному сосуду на каждого живого человека. Они работают беспрерывно, не требуя завода, все льют и льют свой мелкий песок из будущего в прошлое. Каждая падающая песчинка добавляет неприметный шелковый звук в общий свист, отчего кажется, что помещение полнится звуком морского прилива.

А вот и обладатель этой необычной комнаты, он медленно и величаво шествует вдоль стеллажей. Вид у него озабоченный. Его зовут Смерть.

Не просто смерть как некое общее, абстрактное понятие. Сфера деятельности данного должностного лица, говоря по правде, вовсе даже не сфера, а скорее плоскость. Так вот, плоскость его деятельности включает в себя Плоский мир. Этот мир, как следует из названия, совершенно плоский и покоится (точнее, едет верхом) на спинах четырех огромных слонов. Слоны стоят на панцире гигантской звездной черепахи по имени Великий А'Туин. Диск обрамлен водопадом, пенистые каскады которого бесконечной лавиной обрушиваются в космос.

Ученые подсчитали, что шансы реального существования столь откровенно абсурдного мира равняются одному на миллион.

Однако волшебники подсчитали, что шанс «один на миллион» выпадает в девяти случаях из десяти.

Смерть с холодным постукиванием передвигается по выложенному черной и белой плиткой полу. Его костяные пальцы перебирают ряды занятых своей работой песочных часов. При этом он бормочет что-то, но бормотание заглушается плотными складками одеяния и капюшона.

В конце концов он, по-видимому, находит, что ищет. Смерть осторожно снимает прибор с полки и подносит к ближайшей свече. Он держит часы таким образом, что свет блестит и играет на пузатых стенках. Он пристально смотрит на маленькую сияющую точку.

Неподвижный взгляд глазниц, в глубинах которых мерцает дымный голубоватый свет звездных туманностей, обволакивает всемирную черепаху, которая плывет сквозь пространство, мерно гребя гигантскими лапами. Ее панцирь изуродован рубцами от врезавшихся в него комет и испещрен ямами от метеоритов. Смерть знает: настанет день, когда даже Великому А'Туину придется умереть. Ну и работенка предстоит тогда, нечего сказать!

Но сейчас Смерть погружается в сине-зеленое великолепие самого Диска, совершающего медленные повороты под крохотным, вращающимся вокруг него по орбите солнцем. Взгляд Смерти перемещается в направлении гигантской горной гряды, называемой Овцепикскими горами. Эти горы полны укромных долин, неожиданно вздымающихся утесов и проч., и проч. Вообще на квадратный метр здесь приходится такое количество разнообразных географических явлений, что сами Овцепики не знают, что с ними делать. Здесь царит своя, присущая именно Овцепикам погода, которая характеризуется остервенелыми ветрами и перманентными грозами. А ког-

да идет не менее перманентный дождь, то создается впечатление, будто кто-то на небе в припадке злости обрушивает на землю целые тучи шрапнели. Некоторые утверждают: все это потому, что в Овцепиках нашла себе пристанище древняя неприрученная магия. Но вы сами знаете, чего стоит эта людская болтовня.

Смерть мигает, прищуриваясь, и вглядывается в поросшие густой травой склоны.

Вот он смотрит на конкретный склон.

На конкретное поле.

На конкретного бегущего по полю мальчика.

Смерть наблюдает.

А затем голосом, подобным удару каменной плиты о гранит, произносит:

— Да.

В почве этой холмистой, обрывистой местности присутствовало нечто магическое. Об этом явно свидетельствовал странный оттенок, присущий произрастающим здесь растениям. Именно поэтому местность называли Октариновыми лугами. Другим свидетельством «намагниченности» почвы служил тот факт, что это был один из немногих районов Плоцкого мира, где произрастают особые виды растений, приносящие обратнoлетний урожай.

Плодоносящие обратным образом злаки растут во времени задом наперед. Вы сеете семена в этом году, а они прорастают в прошлом.

Семейство Мора специализировалось на перегонке вин из обратнoлетнего винограда. Эти вина, обладающие необыкновенной силой, пользовались большой популярностью у предсказателей, поскольку давали возможность увидеть будущее. Единственная неувязочка заключалась в том, что похмелье наступало утром накануне. Чтобы преодолеть его, ничего не оставалось, кроме как надраться в доску.

Люди, занимающиеся выращиванием обратнo-летних растений, отличаются солидным сложением и серьезным нравом. Значительную часть своего времени они уделяют философским размышлениям о жизни и внимательному изучению календаря. Крестьянин, по забывчивости не посеявший обычное семя, всего лишь лишается урожая. Однако человек, не посеявший семена урожая, собранного двенадцать месяцев назад, рискует повредить саму ткань причинности, не говоря уже о том, что провинившегося всю жизнь будет терзать раскаяние.

В равной степени неловко чувствовала себя и семья Мора, поскольку младший сын относился к наследственному ремеслу крайне несерьезно, а степень его таланта к выращиванию садовых культур была примерно такой же, как у морской звезды. Не то чтобы от него вовсе не было никакого толку — просто его стремление помогать смутно отдавало жизнерадостной готовностью бодрого недоумка, из кожи вон лезущего, лишь бы помочь «взрослым дядям». В результате серьезные мужчины научились бояться его помощи как огня. Казалось, он является источником какой-то заразы, возможно даже смертельной. Мор был высок, рыжеволос и весь обляпан веснушками. В дополнение к этим особенностям своим телом он управлял лишь чисто условно. Да и как можно управлять штуковиной, состоящей из одних колен?

В данный конкретный день эта «штуковина» во весь опор неслась по полю, размахивая руками и вопя во всю глотку. Отец и дядя Мора наблюдали сию неутешительную картину, стоя на высокой каменной стене.

— Что не укладывается в голове, — произнес отец (которого звали Лезек), — так это то, что птицы даже не улетают. Я бы непременно улетел, ес-

ли б увидел, что в моем направлении движется такой ужас.

— Эх... Удивительная вещь — человеческое тело. Ноги у него заплетаются, и при всем при том он умудряется набрать порядочные обороты.

Мор достиг границы вспаханной части поля. Обожравшийся до полной невозможности передвигаться голубь, кренясь, лениво уступил ему дорогу.

— Знаешь, с сердцем-то у него все в порядке, — тщательно подбирая слова, произнес Лезек.

— Ага. Неполомки со всем остальным.

— Он очень аккуратен. Всегда убирается в доме. Ест не много, — добавил Лезек.

— Да что там, я и сам это вижу.

Лезек скользнул взглядом в сторону брата, который не отрываясь смотрел на небо.

— Слышал, у тебя на ферме освободилось местечко, Хамеш, — сказал Лезек.

— Ага. Так я уже взял подмастерье, разве ты не знаешь?

— А-а-а, — разочарованно протянул Лезек. — И когда?

— Вчера. — Ложь Хамеша была молниеносна, словно гремучая змея. — Все договорено и подписано. Так что извини. Послушай, я ничего не имею против юного Мора. Хороший паренек, такие нечасто встречаются. Дело лишь в том, что...

— Знаю, знаю, — махнул рукой Лезек, — просто у него не только руки, но и все остальное растет из задницы.

Оба уставились на виднеющуюся в отдалении фигуру. Фигура упала. Несколько голубей вперевалку подошли к ней с целью выяснения подробностей.

— Знаешь, он ведь не дурак, — нарушил молчание Хамеш. — Ну, то есть дураком его не назовешь.

— Мозги у него на месте, — подтвердил Лезек. — Правда, иногда он начинает думать так усердно, что приходится колотить его по голове. Только это и помогает. Глядишь — уже очнулся, смотрит на тебя и даже видит что-то. Бабушка, на беду, научила его читать. Я так считаю, мозги его от этого малость перегреваются.

Мор наконец поднялся на ноги и принялся отряхиваться.

— Тебе нужно пристроить его к какому-нибудь ремеслу, — задумчиво произнес Хамеш. — Он может стать жрецом, например. Или волшебником. Они много читают, волшебники эти...

Братья переглянулись. Обоих охватило одинаково недоброе предчувствие при мысли о том, что может наворочать Мор, попади в его жаждущие добрых дел руки магическая книга.

— Ладно, оставим, — поспешно заявил Хамеш. — Можно придумать что-нибудь другое. На свете столько всего, к чему Мор может приложить свои таланты.

— Он слишком часто думает, в этом вся беда, — отозвался Лезек. — Вот сейчас, посмотри на него. Никто не размышляет о том, как пугать птиц. Их просто пугают. Я имею в виду, нормальные мальчишки.

Хамеш задумчиво поскреб подбородок.

— Ты можешь переложить эту проблему на другие плечи, — наконец произнес он.

Выражение лица Лезека не изменилось, лишь морщинки вокруг глаз приняли какой-то новый изгиб.

— Это ты о чем? — спросил он.

— На будущей неделе в Овцекряжье состоится ярмарка по найму работников. Отдашь его в подмастерья, и вся недолга. Пускай новый хозяин выбива-

ет дурь из его башки. Это закон такой. Отдаешь его в ученики, заключаешь контракт, и хозяину уже никуда не деться.

Лезек посмотрел вдаль, на своего сына, погрузившегося в изучение какого-то булыжника.

— Я бы не хотел, чтобы с ним случилось что-то плохое, — с сомнением в голосе пробормотал он. — Мы здорово любим его, мать и я. Привыкаешь как-то к людям...

— Но это ведь ради его же собственного блага. Сделай из него мужчину.

— Ага. Да уж. Необработанного сырья тут хоть отбавляй, — вздохнул Лезек.

Камень попался страшно интересный. К его поверхности приросли изогнутые ракушки, реликтовые останки первых дней мира, когда Создатель по никому не ведомой причине занимался творением существ из камня.

Мора много что интересовало. Почему, например, зубы у людей так точно подогнаны один к другому? Над этой задачей он размышлял долго и упорно. И вот еще головоломка: почему солнце светит днем, а не ночью, когда свет совсем не помешал бы? Он знал стандартное объяснение, но оно его не удовлетворяло.

Короче говоря, Мор относился к категории людей более опасных, чем мешок, набитый гремучими змеями. Он был полон решимости докопаться до логической основы Вселенной.

План при всей своей похвальности вряд ли осуществимый, поскольку логикой здесь и не пахло. Собирая мир, Создатель выдал на-гора массу выдающихся и в высшей степени оригинальных идей. Однако сделать мир понимаемым в его задачу не входило.

Трагические герои вечно стонут, когда боги проявляют к ним интерес. Однако круче всех приходится как раз тем, кого боги игнорируют.

Отец, как обычно, принялся драть глотку. Мор бросил камнем в голубя. Обожравшаяся птица решила было не реагировать, однако в конце концов все-таки убралась с пути Мора. Паренек уныло побрел к дому.

Вот так и случилось, что вскоре, в канун Ночи Всех Пустых, то бишь свячельника, погрузив скудные пожитки сына на ослика, отец повел Мора в Овцекряжье. Размеры городка в основном ограничивались размерами центральной, выложенной булыжником площади, по периметру которой выстроились мастерские, обеспечивавшие окрестные фермерские хозяйства всем необходимым.

Не прошло и пяти минут, как Мор вышел из мастерской портного уже в обновке. Обновка представляла собой болтающееся одеяние коричневого цвета и неопределенного предназначения. Очевидно, предыдущий обладатель, надев новое платье, скинул старое и прямо в мастерской его и оставил, испытывая облегчение и радость — чувства в данном случае более чем понятные. По-видимому, главной целью приобретения было не лишить Мора возможности вырасти именно в этой одежде. Причем явно исходили от предпосылки, что вырасти ему предстоит в девятнадцатинедельного слона. Отец окинул сына критическим взглядом.

— Очень прилично, — хмыкнул он, — тем более за такие деньги.

— У меня все чешется, — ответил Мор. — И кажется, кроме меня, там есть кто-то еще.

— Тысячи мальчишек в этом мире были бы очень благодарны за такую красивую, теплую... —

Лезек сделал паузу и сдался: — Короче, за одежду вроде этой, сынок.

— А не мог бы я поделиться ею с ними? — с надеждой в голосе спросил Мор.

— Тебе надо выглядеть умным, — строго произнес Лезек. — Ты должен производить впечатление, выделяться из толпы.

Тут цель была достигнута на все сто. Что-что, а уж выделяться он будет. Отец и сын стали пробираться сквозь запрудившую площадь толпу народа. Каждый был погружен в собственные размышления. Раньше Мор с удовольствием посещал городишко. Ему нравилась царящая здесь космополитическая атмосфера, приятно было вслушиваться в странные диалекты жителей деревень, находящихся на расстоянии целых пяти, а то и всех десяти миль. Но на сей раз его точило неприятное, тревожное предчувствие — словно он вот-вот вспомнит то, что еще не случилось.

Ярмарка проходила примерно следующим образом: люди, ищущие работу, ломаными линиями выстроились посреди площади. Многие из них прикрепили к шляпам маленькие символы, показывающие миру, в какого рода работе они знают толк. Пастухи носили клочки овечьей шерсти, возчики засовывали за тулью прядку лошадиной гривы, мастера по внутренней отделке помещений — полоску затейливых гессийских обоев, и так далее, и тому подобное. Мальчики, желающие поступить в подмастерья, кучкой робких овец толпились в самой середине людского водоворота.

— Ты просто идешь и становишься туда. А потом кто-нибудь подходит и предлагает взять тебя в ученики, — произнес Лезек голосом, из которого не сумел изгнать нотки некоторой неуверенности. — Если ему понравится твой вид, конечно.